

эхо Великой
Отечественной

Николай Сорокин

10

Вдовья подушка

главы из рукописи «женского романа»

*Вдовам-великомученицам
России посвящается*

ОСИРОТЕЛО старинное волжское село Вешние Вётлы в Татарстане. Более двухсот мужчин погибли, пропали без вести на фронтах Великой Отечественной войны. Женщины в отчаянии, среди них – и вдова Веселина Кузнецова...

Подушка-доля

Поиграв, устав немножко,
Дочка рано спать легла.
Ух ты, дочкина подушка,
Как душиста и мила.

Припев:
Эй, подушечка, подушка,
Ты подруженька моя.

Солнце близится к закату,
Муж на фронте – я одна.
Ах ты, женская подушка,
Вся, как камень, холодна.

Припев:
Ой, подушечка, подушка,
Ты советница моя.

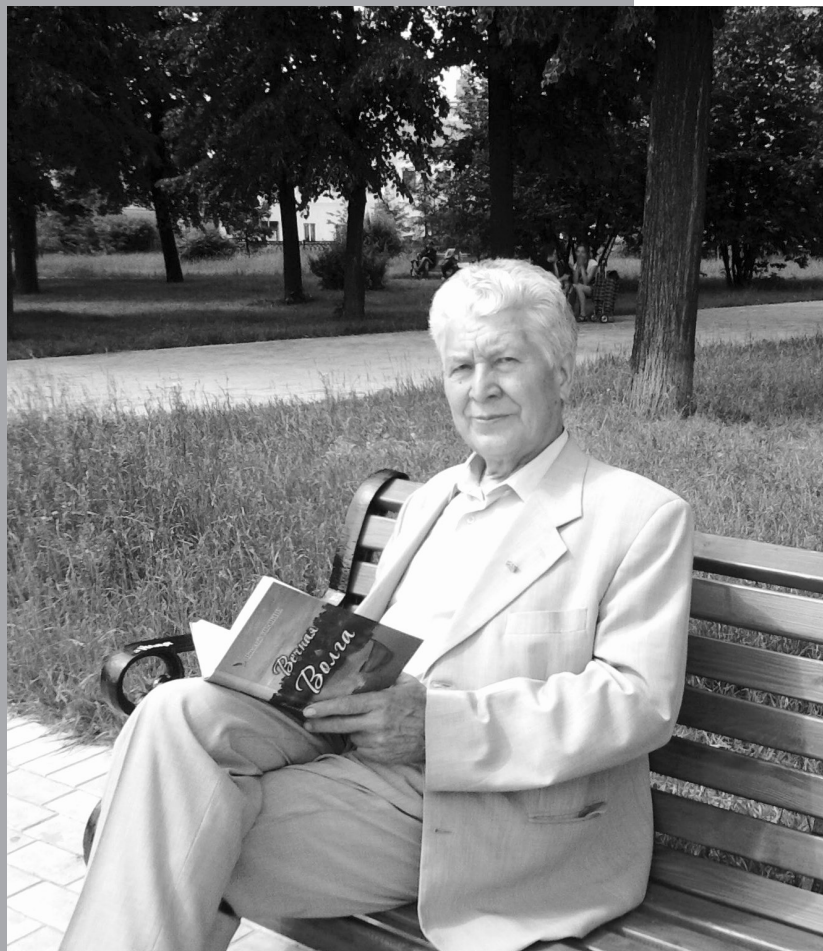
Милого война отняла,
С ним беседую без сна.
До чего подушка вдовья,
Ты, как море, солона.

Припев:
Ах, подушка, дорогуша,
Собеседница моя.

Муж погиб, оставил дочку,
Точно копию свою.
Дочь, ложись-ка на подушку,
Утоли же боль мою.

Припев:
Ой, подушка, ты ночнушка,
Ты советница моя,
Задушевная сестрица,
Сострадалица моя.

Николай Сорокин, журналист, публицист. Родился (1941) в селе Большое Шемякино Тетюшского района Татарской АССР. Более 40 лет проработал собкором ТАСС по Татарстану, председатель Союза чувашских писателей Татарстана. Был основателем и главным редактором республиканской газеты «Сувар», литературного журнала «Заря», издаваемых в Казани. Автор 11 книг, в том числе – романа-трилогии «Вечная Волга» (2006–2008, 2013), документального фильма о язычниках «Вера древнего народа»

Любовь рождается шёпотом

– Ва-а-ань, – тихо-тихо произнесла она, почти не шевеля губами, будто про себя, только для себя, тише летнего ветерка.

Но Ванюш услышал, он резко наклонил голову в сторону девушки, правая его рука коснулась её ладони. Веселина зарделась, по её телу проплыла тёплая волна.

– А что ты шепчешься? – так же тихонько откликнулся Ванюш, широко улыбнувшись. – Никого же...

Она не ответила. Они оба, будто по команде, посмотрели по сторонам.

И вправду никого рядом не было. Лишь разлапистые вековые вётлы от жары лениво шевелили густой листвой, и где-то рядом, в траве, невидимый глазу кузнечик настойчиво звал к себе подружку.

Счастливая парочка встретилась почти случайно. Ванюш, закончив работу, шёл с кузницы, а Веселина пришла в магазин купить соли и спичек. Так перед прилавком они и нашли друг друга. По признанию Веселины, сказать, что совсем случайно, было бы неправдой. Сколько дней и ночей она мечтала об этой встрече. Изучала, когда Ванюш,

колхозный кузнец, торопко уходит на работу, а вечером в какое время возвращается с кузни. Запомнила его походку – чуть вразвалку, немного наклоняясь в правый бок. Поэтому даже в тёмные осенние дни она издали могла узнать его безошибочно.

Хоть и жили они на одной улице Новой, всего четыре переулочка отделяли их избы, а встречаться вот так близко, наедине не удавалось. Так было строго заведено в волжском селе Вешние Вёты. Стоило девушке остановиться или пройти рядом с парнем, перекинуться двумя-тремя словами, как тут же расходилась, словно дым по лесу, молва, одна богаче и раскидистей другой. А потом попробуй отдели кору от коросты, быть от небылицы.

Но, несмотря ни на что, Веселину тянуло к этому чернокудрому парню со смуглым лицом то ли от кузнечного горна, то ли от рождения. Стоило ей увидеть или издали узнать по походке, взглянуть в его светящиеся даже в темноте карие глаза, словно шоколадные бусинки, у неё сбивалось дыхание, терялись силы в ногах. Девочка краснела, несмело отворачивалась, была готова провалиться, убежать подальше от соблазна и греха.

Но сегодня, видно, сам Бог дал ей силы и тверди. Они вместе вышли из сельмага. Рядом, но молча спустились к земляному мосту. Но почему-то оказались не на переправе, а, свернув влево, спустились в Татариновский овражек. Так селяне называли сухую балку на конце усадьбы Татариновых, хозяин которой был не только в Вешних Вётлах, но и во всём Черноземском районе знатным врачом. Его уважали за золотые руки жители всех соседних деревень. Да, жалко, в канун проклятых тридцатых годов, когда начались аресты лучших крестьян с ярлыком «кулак», чтобы не попасть под раскулачивание, спасти семью от разора, доктор, спасший десятки и сотни жизней, наложил на себя руки... Принял крепкий яд.

Когда-то в сухом логое Татариновы поставили беседку с резными скамьями. Колхозная холостёжь, привыкшая

ломать всё подряд – не своё же! – не оставила и следов от былой красоты.

Ванюш остановился перед лежащим высохшим деревом, постелил свой пиджак и заботливо усадил девушку рядом. Молодые словно растворились в тени многолетних вётел, посреди кустов дикой малины, буйной листвы.

Веселина с трудом верила, что это она вот так спокойно сидит рядом с любимым парнем наедине, и нисколько ей не страшно и не так сильно стыдно, как казалось прежде. О, сколько дней, особенно ночей страстно и в то же время робко мечтала она об этом. Не досыпала, просыпалась ночами и начинала представлять себе, как они встретятся с Ванюшем, останутся вдвоём, ну, совсем, совсем одни, без единого чужого глаза. Гадала, что же скажет ей любимый парень.

И вот сбылось. Наконец они вдвоём. Ещё светло, солнце не село за околицу, девушка видит его глаза, губы. Совсем, совсем, до головокружения рядом. «Как он красив... как Бог!» – млеет молодая душа от увиденного. Верит и не верит она своим глазам. Ах, как ей хочется потрогать руками эти каштановые пряди, торчащие из-под околышка фуражки, гладить и гладить их, замурив глаза.

– Ве-ся... – ласково произнёс Ванюш.

Но она подала знак, прикрыла свои губы ладонью – потише, мол. По мосту, шумно разговаривая, прошли школьницы. Ванюш замолк, насторожился. Занятые своими детскими разговорами девочки не заметили их, надёжно укрытых зелёной листвой ветлы-вековухи.

Ванюш молча любовался несравненной красотой девушки. Синь небес высекали её широко раскрытые, бездонные, как само небо, ярко-синие глаза под тугими бровями на круглом личике. Её красота отличалась нежным изяществом, на которое ему кажется даже боязно долго смотреть. И имя Веселина он считает расчудесным. Его подобрал для дочери отец. Хведер Земляков, как помнят его односельчане, был человеком с добрым сердцем, задушевный, крылатый, с придумками.

*
 Ох, ты, ох, ты,
 Все пошамли кофтин.
 А я руки под бока,
 Сопрай, Ваня, пока.

«Спелая вишенка из наших садов — настоящая волжанка», — легко подумалось парню.

Сам Ванюш, наоборот, представлял собой мощную силу, твёрдый мужской характер. Карие глаза на скуластом лице с медным переливом, голова покрыта густой шевелюрой, жёсткой, непослушной, как и сам железный коваль, сын знаменитого на селе столяра Еромолая Кузнецова. Настоящий богатырь российский.

Глядя друг на друга, они молчали, пальцы их переплелись. Смотрели жадно, словно желая напиться, насытиться увиденным, даже не моргали, будто боялись что-то пропустить, не заметить. Дышали бесшумно, сдержанно, но в такт друг другу.

— Веся... ты весёлая, — вновь прошептал он, заметив чёртики в глазах любявого создания.

Ванюш произнёс её имя ещё тише, но для неё слова эти показались звонче грома.

«Какое расчудесное волшебство, оказывается, нежный шёпот любимого человека», — пронзила девушку неожиданная мысль. Он, этот лёгкий, с дрожью шёпот, как тёплый и ласковый ветерок, сперва коснулся её ладоней, прошёлся тёплым током по рукам, достиг плеч, лица, ушей, заставляя вздрогнуть от невероятной сладости блаженства. Грудь замерла, сдавливая дыхание, вскоре волна прокатилась по сердцу, а сердце почему-то забилося сильнее и выдало резкое, порывистое дыхание.

«О, Боже милостивый! Какое чудо! Иной раз человек кричит, что любит, клянётся, а его слова не доходят до цели, они кажутся ложными, наигранными. А тут всего-то шёпот...», — разволновалась Веселина. Она не знала, что за волшебство происходит с ней.

Они, пожалуй, сами не заметили, как, внимательно всматриваясь друг в друга, незаметно сблизились и само собой слились в поцелуе. Первый в жизни поцелуй! Для обоих. Робкий, неумелый, но страстный. Сколько в нём было огня, пылкости. Они скоро, словно опомнившись, отпряли, даже смутились. Жи-

вописный бантик губ девушки, слегка влажный, заалел ещё сильнее и немного вздрагивал. Они опять молчали. Но теперь молчали уже совсем по-другому, пожалуй, оценивая первый несмелый, но вышедший от сердца шаг навстречу. В их глазах светлела и играла безграничная крылатая радость.

— На игры придёшь? — первым опомнился Ванюш, подправив фуражку.

Краешком глаз он заметил, как густо покраснелась Веселина, её пухленький носик порозовел, как лепесток чайной розы, стал ещё краше, на лоб выступили мельчайшие, еле заметные бусинки.

— Приду, — выдохнула она юным голосом, еле сдерживая себя, чтобы не закричать — такой порыв счастья наполнил её всю. Она отдышалась и спешно добавила: — Приду, обязательно приду.

Совершенно другие — счастливые и воздушно лёгкие, словно только что вышедшие оба из священной купели, поднимались они с места своего первого свидания. Шагали нога в ногу, дыхание в дыхание. Под слаженный, одновременный, подстраивающийся друг к другу стук сердец.

Но как только вышли на дорогу, мощённую булыжником, Веселина вдруг заробела. Она тревожно оглядывалась вокруг со страхом, что их вместе увидят односельчане, тогда начнутся пересуды. Хотела что-то сказать Ванюшу, объяснить, но не находила нужных слов.

— Мне в магазин надо... Я... забыла купить... — нашлась она наконец и быстрыми шажками удалилась от парня.

«Дак, ты же была в магазине», — хотел было вставить Ванюш, но не посмел и медленно зашагал один к себе домой.

Веселина будто летела, на душе было легко и светло, ветер напевал в уши какую-то весёлую музыку. В магазин она не зашла, встала за углом и стала наблюдать. Ванюш уже миновал деревянный мост через речку Кучасси, по обеим берегам которой густо зеленели вётлы, откуда пошло название села, и шёл, часто оглядываясь назад, — искал глазами любимую, может, надеялся, что догонит.

Не догнала девушка. Специально.

Теперь у неё под девичьим сердцем вселилась надежда, она уверена, что они будут встречаться вечерами на игрище. Они оба – и Веселина, и Ванюш – будут молча, втайне от подруг и друзей сладко вздыхать, тайно радоваться своему таинству – у них зародилась взаимная любовь.

Домой девушка возвращалась, нет, не шагала, даже не бежала, а летела. Прискочив, она ни в избе, ни во дворе не находила себе места. Сама не понимала, но ей было так хорошо от чего-то, до сих пор ей неведомого, не умещавшегося в груди, выпиравшего наружу, что хотелось плакать. Внутри всё горело, kloкотала какая-то непонятная волна, она жгла уши и лицо. Хотелось петь и плясать, но она стеснялась матери, которая дважды уже огрызнулась:

– Что ты скачешь, как коза?

Хвекла и раньше была малоразговорчивая, после ранней смерти мужа, вернувшегося из ссылки тяжело больным, вовсе ушла в себя, будто заперлась там. Занятая женскими заботами по дому, она не видела и не замечала, что творится с дочерью. Наконец не выдержала, прикрикнула:

– Ну, что ты путаешься под ногами? Шла бы картошку окучивать.

Веселина охотно занялась работой. А мысли рвались к нему одному – Ванюшу. Она то и дело смотрела вдаль – нет ли, случаем, на картофельном поле Кузнецовых её милого. Вдали мелькали женщины, дети, но на участке Кузнецовых никого не было видно. Тогда ей захотелось поделиться со своей радостью с кем-нибудь. Но с кем же? Старшие сёстры замужем, выскочили в соседнюю деревню Тоншерма. Подруге Нюсе? Нет уж! Она грубая, задиристая, засмеёт ещё, да и по селу чего доброго развезёт. Остаётся одна, вечно тоскующая мать. Но и ей как откроешься – ведь стыдно! «Лучше промолчать, вытерпеть», – твёрдо решила бедная мученица от бремени первой любви, свалившейся на неё так неожиданно.

Девушка провела рукой по лицу, которое, к её удивлению, оказалось мокрым. «Слёзы? Откуда?» – удивилась

она и вытерла быстрее, пока не увидела мать. Завершив окучивать последнюю картофельную борозду, она, приставив мотыгу к сараю, поспешила встречать стадо, загнала во двор овец, подоила корову, натаскала воды в баню. Всё спорилось, так ладилось, будто сама песня лилась вокруг неё. Тем временем и волнение будто улеглось, но Ванюш упрямо не выходил из головы, так и слышала его слова: «Веся, ты весёлая...» Высказанные тогда в овраге шёпотом, теперь они звучали громко, почему-то под мину мелодию «Баю – милушку мою».

После ужина мать, закончив всю неотложку, села за рукоделие – вязать носки на зиму. Дочь тихонько прислонилась к ней сбоку. Как ей хотелось понежиться, чтобы мать, если бы не спела, как в детстве, то хоть бы погладила её. Но Хвекла, уставившись на спицы, будто не замечала свою младшенькую. Но вот, наконец, то ли она устала, то ли вспомнила что-то, отложила в сторону носок и – чудо! – повела шершавой рукой по шёлковым волосам дочери. А она, нежа, воспользовавшись моментом, осмелилась и спросила робко:

– Мамк, а как вы познакомились с отцом?

Мать удивлённо, будто впервые, взглянула на дочь. «Что это с тобой, дурёха?» – говорили её когда-то синие, ныне обесцветившиеся глаза.

– Что нам знакомиться-то. Чай в одном селе тёрлись.

Но Веселина не унималась:

– Расскажи, как подружились, поженились...

Мать даже застонала, словно подранок, видимо, дочка задела рану, хоть и зажившую от долгих лет, но саднившую временами душу. Голова вдовы ещё сильнее наклонилась, веки сжались напряжённо и совсем смежились. Она долго молчала.

– Случилось это летом, на сенокосе, – тихо завелась Хвекла, потом вновь замолкла, глянула на образа и степенно перекрестилась. Долго смотрела вдаль, видимо, решалась – рассказывать или нет. – Я невзначай проколола тогда

ногу. А он, Хведя, папаня твой, проходил мимо. Помог...

Веселина выпрямилась, уставилась на мать, всматриваясь на её мелкую сетку морщин на лбу и по щекам, на молочный след проседи на русых волосах, выглядывающих из-под ситцевого платка, повязанного «домиком». Она слушала внимательно, но ничего не слышала, в её шумящей голове возникали сегодняшние картины из Татарина оврага, перед глазами то и дело вставал Ванюш, волнуящее девушку смуглое лицо, покрытое тёмными, жёсткими лохмами волос...

Наконец мать замолкла, взглянула на дочь, прислонившуюся на её плечо, и ахнула:

– У-у-у! Дык у тебя глаза в сырости. Ты плачешь, нежа моя?

Веселина будто проснулась, не знала, что и ответить.

– Что с тобой, милка?

– Да, ничего. Это соринка попала в глаз... – растирала она глаза ладошками, но слёзы предательски нахлынули ещё сильнее и полились ручьём.

– Может, кто обидел? Признайся.

– Да нет же...

Она застеснялась, заробела, наконец, вскочила и выбежала во двор. Погуляла по саду, дожидаясь, пока мать заснёт. В избу вошла только тогда, когда мать потушила лампу.

В ту ночь Веселине приснился дивный сон, будто она плывёт в золотистой лодке. А ладью почему-то качает не мать, а Ванюш. Под мамину мелодию «Баю, баюшки-баю, баю – милушку мою»...

Вешние Вётлы – старинное чувашское село, вольготно раскинувшееся на правом крутом берегу, где-то в середине течения Волги. Ему, по свидетельству летописцев, не менее пяти веков. Чуваши пришли в эти края с низовий Волги, ранее обитая на Кавказе и Алтае. Когда там от многолюдия стало тесно и душно, в поисках вольной жизни, гласит легенда, они стали подниматься по великой реке. Облюбовав приволжские чернозёмы, луга и леса, расселялись

близ речушек и озёр, основывали свои деревни – *ялы*. Так образовался своеобразный жилой тракт селений одинаково говорящих людей, который в народе называли Чувашский Млечный Путь. В отличие от небесного, звёздного, земной путь протянулся от низовий Волги до самых её верховий, заодно прихватив её левый обширный рукав – Прикамье. Древний чувашский род разросся, стал насчитывать около двух миллионов человек и по численности занимает четвертое место в России после русских, украинцев и татар.

Предки Вешних Вётел, потомки волжских булгар, облюбовали красавицу-речку Кучасси, берущей начало из десятка бурных родников, бьющих с подножья молочно-каменной горы Белой. По берегам речушки выстроились в две шеренги огромные вётлы. Правда, не совсем ясно, что было раньше – то ли эти высотные кумушки приглянулись пришлым людям, то ли новосёлы сами рассадил их. Доподлинно лишь известно, что по ивам, особенно могучим вётлам, можно определить, что здесь живут именно чуваша. Потому что это дерево самое любимое и почитаемое у чувашского народа. Весной, когда бурно разливается река, в задумчивости стоят они, кряжистые, как и сами работяги-хлебопашцы, разлапистые, по колено в воде, а длинными ветвями-пальчиками царапают по волнам какие-то неведомые послания вечности. А над ними поверху, словно неугомонный цыганский табор, хороводят грачи. Если приглянуться внимательно, на ветвях можно заметить вьющееся лозы «хомлы» – хмеля, из которого местные мастерицы умеют варить расчудесный напиток «сыра» – чувашское пиво.

– Однажды в нашем селе появился красивый чувашский паренёк, то ли сказочник, то ли песенник. Звали его Кесьтентин, – со светлой грустью вспоминает самый старый и не менее почтенный в Вешних Вётлах *шурсухал* – седовлас Уртемей Калда, а по-язычески Ящерица. – Помнится, он до слёз восхищался нашей речкой, расхваливал вётлы. Гостил-то всего-навсего полдня, а сло-

жил душевную песенку. Вот такие слова запали мне в память: «Высь колебля голубую, // Вдаль течёт река, светла, // И сама собой любясь, // В воду смотрится ветла». К сожалению, он тогда тяжело болел – чахотка, зараза, ододела. Вскоре, слышим, сгорел юноша совсем юным. Но успел малой написать книгу про чувашскую красавицу Нарспи. В ней он наши вётлы с грустью воспел: «Солнце за гору скатилось, // Дремлют вётлы в полутьме». Знать, он догадывался о своей скорой кончине...

Теперь нет, пожалуй, в Вешних Вётлах, как и во всём чувашском крае, семьи, в которой не знали бы этого песенника – отца чувашской литературы Константина Иванова и известную на весь мир его знаменитую поэму «Нарспи».

Богатый вкус и практичную смекалку, видать, имели отцы – основатели села. Первые улочки проложили они вдоль бережка. И не абы как, а с большими удобствами. Все пять рядов бревенчатых изб берут начало от высокой центральной площади, от неё, как широкая мужицкая ладонь, звёздочкой рассыпаются улицы да переулки.

До колхозов село жило размашисто, зажиточно. Не зря вётлинцы шутят, Господь, мол, породил на свет трёх трудэг – муравьёв, пчёл и чуваш. Когда селение разрослось, молодым семьям, не поместившимся в его материнском чреве, нарезали участки – *пазмы* для постройки и огорода на другом, левом берегу Кучасси. Два новых порядка, длинные, с целую версту, точь-в-точь повторившие игривые изгибы реки, называли Заречьем. На одной из улиц – Новой – пустили корни семьи Кузнецовых и Земляковых – родители Ванюша и Веселины, или по-чувашски – Веселе.

С названием села вышла своя история. Хозяева, известно, называли его по-своему, Йымраллы – Вётлы, значит. Но со временем в округе их, чувашских Йымраллы, стало много, и, чтобы не путаться, решили отделиться, добавили «Сьурхи», означающее «Вешние». Но тут пришла проклятая крестьянами советская власть, больная манией разрушать всё, что ни попадя. Однажды

заявились комиссары в кожаных тужурках, приказали наплевать на «Сьурхи Йымраллы» и забыть, мол, неудобно произносить, и велели называть только по-русски – Вешние Вётлы. Мужики, известно, обиделись, замкнулись, покряхтели-покряхтели да согласились – против силы не попрёшь.

Чуваши – исконные язычники. Сквозь множество веков пронесли они свою сказочно богатую культуру, неразрывно связанную с матушкой-природой. Несмотря на жестокое подавление язычества, преследование миссионеров от христианства, а в советские годы – от воинствующих безбожников, покорно шли они на лишения, хитро прикидывались, что не понимают языка, – словом, сохранили стержень бытия, полученный от своих пращуров. Главный смысл язычества – гармония с природой, обожевление её, поэтизация внешнего мира. Язычник живёт и работает в душевном единстве с природой: сеет – молится, косит – молится. Кланяется Богу плодородия, Богу дождя, домашнего скота, Домовому, Водяному, лесному духу, организует щедрое жертвоприношение Пюлеху – Богу изобилия и другим близким духам.

А как же церковь, заметит читатель, построенная на центральной площади села?

– Православный храм святого Германа воздвигли наши деды на Соборной площади села, – поясняет дед Уртемей. – Иначе нельзя было. Знаете, как зажимали нас, чуваш? Будто в клетках оказались. С одной стороны, мулла закатит масляные речи, с другой – погрозится карой небесной. Да и царская власть заманивала – кто принял православие, тому наделяла лишнюю десятину земли, освобождала сына от рекрута. Куды деться бедному отроку? Думали-гадали чуваш да сдались. Ладно, мол, есть у нас сто богов, так пусть Христос будет самым главным из них, Верховным. Стали его величать *Атте Туро* – Бог-Отец, значит.

Так и живёт с тех пор в ладу с совестью чувашское племя: приходит в церковь – крестится по-христиански, в то же

время молится природе по-язычески, почитает её.

Трудятся чувашаи споро и отдыхают весело.

Игры – радость, душа молодёжи. Игрище – самое любимое, памятное место селян. Девушки и парни с улицы Новой выбрали для утех уютную площадку под белой берёзой с изящной талией, много лет растущей перед избой одинокого Пахома. Вдовый сапожник, он же знатный шорник, был от рождения немой, но безумно любил гармонь, песни и пляски под неё, потому даже не думал сердиться на молодёжь, хотя порой она засиживалась под его окнами до первых заутренних петухов.

Вдоль посеревшей от дождей стены клетки неизвестно кто и когда сладил деревянные скамьи, отливающиеся теперь золотистыми боками, словно латунные, отполированные мужскими грубыми брюками и нежными девичьими платьями. Вряд ли кто считал, сколько раз вёсны сменялись осенью, сколько на этих сосновых плахах случалось счастливых свиданий, радостных иль грустных вздыханий, знакомились безусые юнцы да завязывались новые пары, договаривались венчаться. Одни женились, уходили, замыкались в своих спальнях, рожали деток, а им на смену приходили другие – помоложе, они тоже играли свадьбы и с грустью покидали игрище. Рожалась и поднималась новая поросль, плясала и пела частушки.

Так мирно и покойно текла на селе жизнь, параллельно с говорливыми водами речки Кучасси, берущей начало от десятка белокаменных, словно белозубых, родников.

После того памятного свидания, на другой день Веселину ждало разочарование: хоть и договорились, а Ванюш не пришёл на игрище. Напрасно метала она взгляды то вверх по улице, то вниз – любимого не было видно. Родная улица Новая, хоть и разинула свой зёв аппетитно широко, но упорно молчала. Без гармонии Ванюша вечеринка расстроилась. А уж Веселина вовсе не находила

себе места. Одна Нюсса, её подруга, неугомонная шутница, пыталась растормошить замолчавших девушек:

**Меня милый изменил,
А я и не охну.
Не зелёная трава –
В поле не засохну.**

Но подруги не поддержали её. Игры не состоялись.

Не пришёл Ванюш ни на другой, ни на третий вечер. Целую неделю на улице Новой не было слышно песен, Веселина сидела дома и незаметно от матери тихо плакала на подушку – проронила первые слёзы любви. И только в воскресенье наступил неожиданный праздник: заиграла гармонь, зазывая молодёжь. Услышав переливы родной «хромки», Веселина сгоряча выбежала на улицу в чём была. Мать остановила, предложила переодеться. Но девушка не спешила – нельзя ей теперь быть первой на игрище, подруги сразу приметят – засмеют.

Когда Веселина тихо подошла к дому Пахома и заняла своё место на скамье с краю, веселье было в самом разгаре. Она робко взглянула на гармониста и удивилась – левая рука его была перебинтована. Значит, на работе его родненький получил ранение.

Девушки пели и отплясывали «с передачей». Солистка, спев свою частушку, вызывала на смену «матаню», которую она выбрала.

**Ох, рожь, моя рожь,
Кто тебя посеял?
Распроклятая любовь,
Кто тебя затеял?**

– чудным тенорком заливалась чернявая тихоня Санюк и с вызовом топнула каблуком перед Нюссой.

**По деревне срубы рубят,
А меня ребята любят.
Тот ташшыт, другой ташшыт,
Только юбочка трешшыт,**

– лихо подзаводит вечеринку разбитная Нюсса, возбуждая оживлённый гогот парней, затем сдаёт передачу подруге Веселине.

Ой, колечко моё –
Золотая проба.
Буду милого любить
До самого гроба,

– осмелилась вдруг застенчивая Веселина.

Звонкий её голос, потревожив сердце Ванюша, понёсся вдаль по засыпающему селу, до самой реки. Чтобы не смущать, девушка старалась не смотреть на гармониста, но с ним уже что-то случилось – кажется, загнулись пальцы, мелодия исказилась и вовсе замолкла. Ванюш нашёлся, отложив гармонь, он поспешно стал подправлять повязку.

– Давай помогу, Вань, – подсела к гармонисту Нюсса.

Она взялась было за бинт, но Ванюш отстранился и сам подправил повязку. Тем самым он успокоил Веселину, зардевшую от неожиданно вспыхнувшего пламени ревности. Шумно подошла группа ребят с Заречья, названного в народе Турцией. С собой они принесли густой запах спиртного.

– Давай играй, Ванюш, отведём душу, – вышел в круг Гриша Суллин, качаясь, и с хрипом затянул:

Как зять тещу
Затащил в рощу.
Трещит роща –
Не даётся теща.

Вечеринка оживилась, парни расхохотались, а девушки притворно возмутились:

– У, какой же ты охальник, Гришака!
– Бессовестный!

– Как только жена тебя терпит! – беззлобно зашумели девушки.

– Ты это про себя, что ли, заливаешься? – поинтересовался Ванюш, прекратив играть.

Вопрос остался без ответа. В круг вышел другой парень – рыжий Никифор.

Привели меня на суд,
А я вся трясуся.
Присудили сто яиц,
А я не несуся,

– хохмит Никифор, голову он повязал носовым платком, а другой рукой держится за брюки, будто за юбку.

Всё ты, барыня, поёшь,
А пошто мне...

– начал было кривляться Лёнька Рыжий, но вдруг выскочила в круг Санюк и закрыла ему рот ладонью – не дала допеть.

Подвыпивших где-то парней, наконец, прогнали, веселье вошло в прежнее спокойное русло.

По деревне скачут кони,
А на сёдлах конники.
На которого ни глянешь,
Все мои поклонники...

– гордо заливается светло-русая Манька-золотце.

Ох, ты, ох, ты,
Все пошили кофты.
А я руки под бока,
Сыграй, Ваня, гопака.

И начинаются танцы – по ходу пары меняются партнёрами. Веселье продолжается.

Только когда собрались домой, Нюсса рассказала Веселине, что случилось с гармонистом. Оказывается, кузнецу дали из района срочный заказ. Молотobоец, кряжистый увалень по кличке Папанин, неуклюже ударил по заготовке кувалдой, неправильно взвесив удар. Кусок раскалённого железа отлетел с наковальни и прилип к рукаву Ванюша. Пока отдирали шипящее железо вместе со спецовкой, тушили замасленный рукав, кузнец получил сильный ожог. У Веселины заныло сердце, она качнулась от сострадания к любимому. Нюсса удивлённо посмотрела на подружку, никак не могла она понять причину. А подруга была готова побежать прямо сейчас к Ванюшу, помочь ему, пожалеть по-женски. Да еле удержалась.

Разлучница

20

ЭХО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

– Сколько живу, такой весны не помню, – шумно перешагнул порог кузницы сельский патриарх Уртемей Калда и тепло, обеими руками поздоровался с кузнецом Ванюшем. – Больно своенравная ноне весна. С карахтером...

Почётному старейшине села с окладистой, как липовая лопата, бородой шёл девятый десяток. Весь белёсый, словно покрывшийся инеем головой, он смахивал на святого, только что сошедшего с церковного иконостаса. Правда, в Вётлах теперь нет ни иконостаса, нет и самой церкви. Германовский храм, основанный селянами в честь святителя Германа, архиепископа Казанского, в проклятом народом тридцатом году босяки вместе с солдатами, прибывшими из Буинска, разорили, иконы подожгли на костре, а несгоревшие лики вётлинцы тайком разобрали по домам и припрятали. Молебное здание, срубленное селянами из прямых, как карандаши, сосен, загадили, превратив в клуб, где ныне проводятся колхозные собрания, митинги по советским престолом, крутят кино, на танцах льётся густой мат. «Страмота одна осталася», – недовольно печалился старейшина.

В кузню дед Уртемей пришёл не зря, а по делу – отбить косы. В селе никто, кроме Ванюша, не может так тонко обработать инструмент, а сенокос вот-вот начнётся.

– Сделаем мигом, Уртемей-теде. А ты, дед, посиди пока, – успокоил Ванюш и принялся за ковку.

– Холода стоят сиротские, – пыхтит костяной трубкой старик.

Ванюш молча соглашается. Действительно, туго шла весна сорок первого. Вроде бы и картошку пора сажать, а берёзы даже не распустились, медленно набухают почки. Холода стоят день и ночь, погода хмурится, прячет солнце тепло от людей и почвы.

– Гляжу – дрожь берёт людей. Это, поди, не только озноб от холода. Что-то

сверху давит на нас, – намекает мудрец, загадочно покашливая.

Ванюш закончил отбивать косы, вернул их старику, от денег напрочь отказался.

– Ну, спаси, Христос. Золотые же у тебя руки, Ванюш. Честно говорю, – сияет старик довольный.

– Вовремя ты успел, дедуля, с косой. Послезавтра меня не застал бы – на манёвры нас забирают, – кузнец вытер платком пот со лба.

– Это куды же?

– Сказали по секрету – в Марийские леса.

– И надолго энтот некрут? А как же колхоз без коваля останется?

– Так ведь ненадолго. На недельку обещают.

Склонив от печали седую голову, старина молча покинул кузню. Червоточина, закрывшаяся в нём, стала жалить дряблое сердце наглой силой. Тяжело старцу – двух сыновей потерял он в прошлом году на финской войне. А теперь, хоть и слаб стал на оба глаза, замечает, что тучи новой войны нависают над грешной землёй.

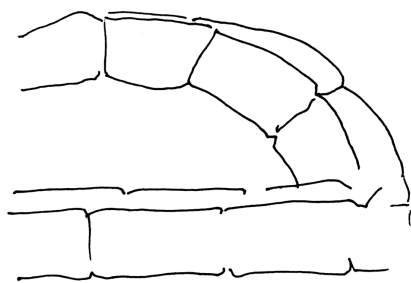
Через два дня более полусотни молодых мужиков ушли в Черноземск. Селяне к этому отнеслись спокойно – без слёз и шума. Пока.

– Сталбыть, понюхаете пороху. Ну, – отметил за всех селян старый Ермолай Кузнецов, пришедший к сельсовету провожать сыновей Ванюша и Саньку. А самый старший – Василий – уж третий год проходит действительную службу.

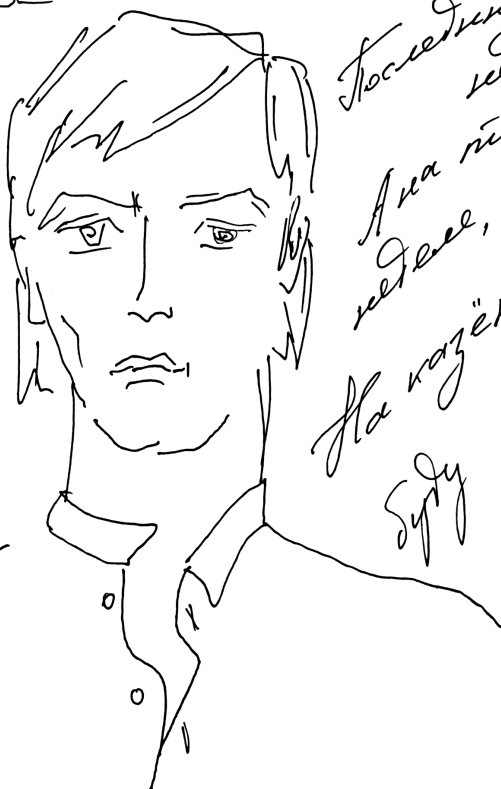
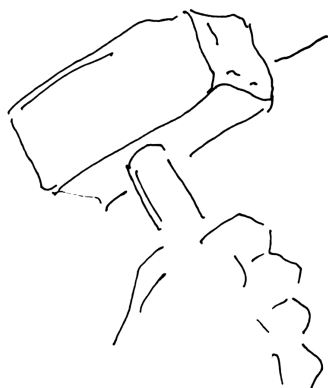
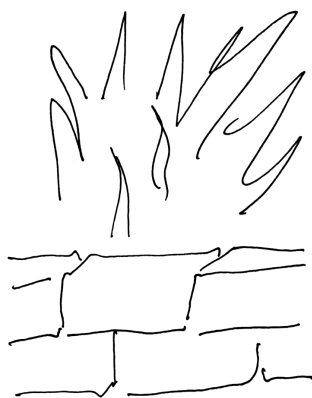
На Черноземской пристани погрузили их на пароход «Джамбул» и повезли в Казань, потом дальше, в Марийские леса.

Не неделя, а целых две прошли, пока вернулись вётлинцы с военных учений – усталые, злые, в истрёпанных одеждах. Веселина спешно натопила баню, в родниковой воде замочила ду-

Милого войска отыкала,
Сшила беседу без сна.
До чего подушка вдовья,
Ты, как море, солома.

Стелю, мать,
постылою.
Последнюю
медвежью,
А на той
медвежью, мать,
на козёнке
буду спать.

бовые веники, сама распарила засоленное тело своего Ванеша и любовно высекла да выскоблила солдатский пот.

В тот вечер супруги, довольные долгожданной встречей, не спали. Тихо, чтобы не разбудить сыновей, они перешёптывались в постели. Сначала о детях, не шалят или не болеют ли, как заканчивают учёбу в школе. О скотине — как с кормами, кто нынче нанялся пастухом, стоящий ли работник. Не забыли и родителей, вспомнили самыми добрыми словами.

— Что, Ванеш, война может случиться, что ль? — неожиданно растревожилась жена, теребя рукой мужнину голову, постриженную на сборах «под Котовского» — наголо.

— Тише ты, Веся. Говорить об этом вслух не положено. Нас строго предупредили, — приподнялся с подушки муж.

Убедившись, что дети спят, он лёг снова. Полежали молча, уставившись в потолок. Но Ванюш, заметив, что у жены вздрагивают губы, она готова вот-вот разреваться, принялся её успокаивать.

— Не волнуйся зазря, Весюля. Может, всё и обойдётся. Командиры заверили, если вдруг и вспыхнет война, то будем воевать на территории противника. То есть на чужой земле.

— А зачем нам чужая земля, Ванеш? Что, нам своей не хватает? Вон её сколько в колхозе, не успеваем ни пахать, ни жать, — обняла она крутые плечи мужа, вкусно пахнувшие дубовым духом.

Столь прямой вопрос жены, который больше всего волновал его самого, да и всех рекрутников, две недели прослушавших курсы молодого бойца в Марийском лесу, боевом лагере Суслонгер, поставил Ванюша в тупик. Действительно, зачем ему, приволжскому колхознику, спрашивается, идти с войной на Польшу, Германию, на другие, не известные ещё где дальние земли? Живи себе в мире и согласии. Распахивай свой чернозём да выращивай хлеб, сажай картошку. После отбоя, ночами в казарме ребята робко шушукались по этому поводу, а спросить у командиров

побаивались. Но однажды Фёдор Аксёнов, сын видных учителей из деревни Чинчурино, не вытерпел и припечатал политрука своим прямым и веским вопросом:

— А зачем нам воевать на чужой территории?

Ярый зубрила воинского устава, рыжий политрук, и так заика, от злобы ещё больше стал заикаться, весь покраснелся, стал кричать, брызгая слюной:

— Т-т-ты, провокат-т-тор! Шпиён! Как фамилия? Военк-к-комат какой? Ты у меня узнаешь, как баламутить п-б-патальон! Сержант, позови пат-т-тру-уль, — раскудахтался рыжий.

Пришли трое — лейтенант и два сержанта с винтовками и пристёгнутыми штыками и увели Аксёнова. Больше беднягу никто не видел и не слышал. Вот и сейчас Ванюш разволновался не на шутку.

— Дык, ведь Гитлер распоясался не в меру, — начал он словами того самого противного ему политрука. — Никому нет от него покоя. Политрук рассказал, что он уже в Европе захватил несколько стран. Теперь грозит на нас напасть.

— Если мы не полезем сами, нас никто не тронет. Мы сами всё время воюем. И отцы воевали, и деды. Срам един. То с германцами схлестнулись, то с финнами... Лезем, куда нас не просят. Не жалеем мы свой народ. Гробим его, калечим трудовых людей, множим сирот, — решительно заявила Веселина.

— Ах, какая ты у меня умница! — крепко обнял Ванюш жену и поцеловал. — Давай лучше спать, Веся. Больно изголодался я по тебе, — он аппетитно причмокнул её обветренными губами.

Они обнялись и сладко расцеловались...

Для сравнительно молодой пары это была вторая длительная разлука. Первое испытание на прочность для их любви случилось два года назад — в тридцать девятом. Однажды Подоприн, Егор Силыч, новый председатель колхоза «В путь», принёс из района необычную весть: одного колхозника нуж-

но направить в Казань – учиться на зоотехника. Слово «зоотехник» показалось чуждым для деревенских ушей, словом, народ на всякий случай недоверчиво отстранился.

«Чтобы тебя не обнаружили – не выскакивай» – это изречение, касаемое лесных груздей, не раз слышала Веселина от бабушки Верки, заядлой грибницы. Поговорка вспомнилась, когда она впервые встретилась с председателем, а Егор Силыч отмерил её протяжным, приценивающимся взглядом с головы до пят. Сельское практичное чутьё не обмануло молодуху: Подоприхин, бывалый кавалерист и хронический холостяк влюбился в неё по уши и бесповоротно. Но должность, а, главное – замужество Веселины не позволяли ему, не привыкшему отпускать боевого коня без узды, то есть распускать чувства. Но в этот раз он, будь что будет, решился на отчаянный шаг – выбрал красавицу для учёбы. Поступил превесёма тактично, сначала попросил «высочайшего дозволения» у супруга. Ванюш охотно согласился. А Веселине ничего не оставалось, как стать студенткой Казанского ветеринарного института, оставив дома всех мужчин – мужа и двух сыновей, Толика и Веню – на попечении матери, надёжной, хозяйственной Хвеклы.

В Казани Веселине, ранее не выезжавшей далеко из села, показалось, что она родилась заново. На лекциях, в библиотеке, в студенческом общежитии – всюду открывались перед ней новые, замысловатые понятия, кладези знаний, неведомые миры, о которых раньше она не могла представлять себе и даже видеть во сне. Так, кроме «Краткого курса ВКП(б)», будто бы написанного самим Сталиным («откуда всё он успевает» – изумлялась студентка) и социалистической политэкономии, она познала много странного, занавешенного от народа. Старшекурсница Равиля Урманова, дочь дипломата, с которой они жили вместе в одной комнате общежития, по самому страшному секрету рассказала, что «колхозы – зло, потому что согнали крестьян насильно, как скот в стадо».

Веселина и без неё догадывалась об этом, но услышала впервые, тем более из уст «учёного человека». Но вот следующая новость её чуть не свалила с ног. По словам Урмановой, «вот-вот Москва начнёт «большую войну».

– С кем? – не поверила первокурсница.

– С Европой.

– А точнее?

– Если тебе конкретно – с Германией, – прошептала Равиля.

После этих слов они замолчали, а бывшая доярка три ночи не могла уснуть. Тревожилась, что могут забрать Ванюша на войну. А там могут его ранить и даже убить. Думала-думала и, наконец, решила уточнить у профессора Рухлядева. С «главным конским врачом», как называли заведующего кафедрой ветеринарной терапии Николая Петровича, тоже выходцем из села, из Вятской губернии, они нашли общий язык. Болезни коров, овец и телят живо интересовали селянку. Шестидесяти-восьмилетнему Рухлядеву, что скрывать, глянулась эта синеокая волжанка с русыми космами. Однажды на консультации, когда они остались вдвоём, практикантка спросила, правда ли, что скоро начнётся война.

– Откуда такие сведения? – насторожился учёный.

– Студенты говорят, – она даже не догадывалась, что оказалась на грани огромной беды.

– Будь осторожна, Веся. Берегись провокаций. И советую – никому об этом ни слова, – сказал он строго, даже жёстко, но глаза его оставались добрыми.

Хоть профессор и не отверг, но Веселина догадалась, что Николай Петрович доверяет сказанным ею слухам.

Пришла весна. Началась подготовка к экзаменам за первый курс. Под соловьиные трели в студенческом городке студенты зубрили рецепты, как лечить коров от ящура, спасать коней от ножницы, как кастрировать борова. Но недолго соловьиный гимн лету. Неожиданно Кузнецову срочно вызвали к директору института. Она несколько раз видела

директора Карла Генриховича Боля, сплошь седого, благообразного интеллигента. Теперь его лицо почему-то покрьлось суровым свинцом.

— Вы оказались лгунья, гражданка Кузнецова, — холодно встретил её глава вуза.

Белые усы Боля нервно задёргались, он сдержанно косился на военного, сидящего за столом сбоку. Молодая молчала, не понимая, что происходит.

— Почему в анкете скрыла, что ты дочь врага народа? — резко вскочил военный. — Ты заняла чужое место — место достойного студента.

Она перепугалась, покраснела, не знала, куда девать руки, они ей мешали; военный продолжал гудеть, словно пожарная каланча в селе; директор, подражая старому мерину, переминался с ноги на ногу.

— Кузнецова, вы отчислены из института. Можете уехать. Счас же, — наконец Боль закрыл словесную пытку над «недостойной» студенткой.

...Веселина тихо появилась дома. Хотя в селе уже все знали, что дочку Хвеклы выгнали из института. Дело в том, что отец Веселины, Хведер Земляков, в двадцать девятом году угодил в свару по делу «Кругляк».

Хведера первым заманили в спешно, пожарном порядке создаваемый в селе колхоз, но он же первым и вышел из него. Обманул его председатель сельсовета Малюсь, наобещав в три короба, что работа на земле станет «в радость», власти, мол, завалят колхозы тракторами «за даром». А на деле одни пьяницы и бездельники поддались соблазнам, гуртом, как овцы, попёрли они в незнакомую общину. Но ушлые крестьяне поняли сразу, какие могут быть тут урожаи... с босьяками. Опомнились, пошли на попятную, да поздно — двери оказались захлопнуты наглухо. В соседних деревнях — Кушкые и Тоншерме — троих колхозников, заявивших о выходе из артели, арестовали, отправили в Черноземск. Поговаривали, дали им «срока» большие.

По этой причине «репрессировано в 1932 г. — 106, в 1933 г. — 323 колхозника». (Краткая справка об активных контрреволюционных и антисоветских проявлениях в Татарии в 1932–1933 годы. Архив КГБ по Татарстану. Фонд 9, дело 29.)

Но мужик, он хоть и с голым задом, да сметкой богат. Хведер в отчаянии изобрёл «круглое заявление». Из школьной тетради Веселины он вырвал двойной лист. И смахнул: «Вычеркните меня и мою семью из колхозу. Ф. И. Земляков». Написал-то он своеобразно, сбоку, с края листа строку повёл в центр бумаги. Потом шёпотом договорился со своим кумом Уладимером. Тот рядом приписал: «Ради Бога, ослобоните от колхозного счастья. Корсаков В. А.» Кум тоже черкнул с края бумаги наискосок, в серёдку листа. Затем третий сподобился: «Меня обманом затащили в колхоз, увольте, Христа ради. Уртюн Тингляков». Мигулай Воробьёв нацарапал каракули покороче: «Не хочу жить при колхозе». Ундри Карпов признался так: «Колхоз мне не нужен». Последним заполнил лист Бабай Ахванись: «Возверните мою лошадь и шесть моих мешков ржи».

Заявления, всего их набралось двенадцать, выстроились на бумаге по кругу, как спицы в колесе. Друг к другу аккуратно нанизаны. Попробуй теперь, определи, чья спица первая, кто первым написал, кто последним. Челобитная заполнена одним химическим карандашом, аккуратно слюнявя кончиком языка недовольных крестьян. Кто затеял бузу — поди узнай.

Бумажку, изрядно помятую и замусоленную, подбросили в сельсовет ночью. Кто занёс — следов не оставил. Председатель Малюсь метал молнии, будто горячую бомбу ему под зад подсунули. К обеду в село нагрянули «тужурники» — спецы в кожаных куртках-тужурках из райотдела ОГПУ. Долго крутили они бумагу в руках, цокали языками, завели дело «Кругляк», ночами вызывали вётлинцев по одному на допрос — искали инициатора, главного «врага народа».

А мужики, как заговорённые, упорно молчали. Но то ли гэпэушники дознались, или кто-то им шепнул, через неделю милиционеры пришли за Хведером и увезли ночью.

Вернулся Земляков из лагеря коммунистов только через восемь лет живым скелетом – иссохший, как астраханская вобла, без единого зуба из-за цинги, с переломанными рёбрами, а главная беда – утроба его напрочь не принимала и не переваривала пищу.

– Там поживиться было нечем... а тут смотрю на хлеб и помираю с голоду, – стонал он, весь пожелтевший, едва слышным хрипом.

Отмороженный насквозь, он грелся на солнце, кашлял и харкал кровью, а в конце лета сорокапятилетний инвалид тихо увял.

...И вот, через три года после кончины Землякова в НКВД всплыла злая память о нём, за что и была изгнана дочь с учёбы. Воистину, зло и в воде, оказывается, не тонет, и под землёй не гниёт. Веселину теперь с подозрениями даже на колхозную ферму не допустили, долго мыкалась она разнорабочей. Но через полгода, по настоянию Подоприхи-на, её вновь перевели в доярки. А вскоре и бригадиром назначили на ферме.

С того самого дня, как вернулись мужики с учений, хоть в поле иль на ферме, у колодца, в магазине – всюду разговор невольно стал заходить о войне, «этой распроклятушей». Вечерами, возвращаясь с работы, селяне не спешили заходить домой. Собирались перед избами, рассаживались на брёвнах, словно озябшие воробушки, больше молчали, надрывно вздыхали. Лето вошло в свои права, теплело с каждым днём, казалось, самое время для молодёжных игрищ, веселья, но почему-то не слышно на селе песен, даже громкого смеха не стало. Ванюш вовсе забросил свою гармонь, стояла она в чулане, покрываясь белёсой пылью тоски и печали.

Народ съёжился, стих, насторожился, ожидая неминуемой большой напасти.

И всё равно горе грянуло неожиданно, на другой день после летнего Фёдора Стратилата, извещающего начало перволетия, или самой короткой ночи в году. В воскресенье, 22 июня, полудни принёс из района это страшное худо председатель сельсовета Максим Малышкин, которого в народе с детства называли просто – Малюсь.

– Война, Матрёна, – зло буркнул Малюсь дежурной по сельсовету. – Обойди мне бегом всё село, предупреди по домам – завтра, мол, всем мужикам идти в Черноземск. Обязательно мне! Собраться перед сельсоветом, потом явиться в райвоенкомат.

Худо оно хороводом скачет, это добро вялится, не спешит. Село уже загудело, как пчельник, не дождавшись извещения властей. То на одной улице Турции, то в Заречье раздаются охи и вздохи. Село начало глотать беду.

На другой день слёзы полились ручьём. Понурые мужики в окружении женщин и детей, словно кустики лесных опят, стали с утра кучковаться на Соборной площади. Вскоре им места не стало хватать.

– Велели у трёх мельниц собираться! – крикнул кто-то из многошумной толпы.

И серый рваный коленкор из рыдающих и сморкающихся селян поплыл к околице. Шли, не признавая дороги – во всю ширь улицы Околичной. Веселина крепко сжимала руку Ванюша, Толик, старший сын, держался рядом с отцом, Венька цеплялся за платье матери. Подруга Веселины Нюсса, ныне вдова, пялилась томными глазами на потайную любовь, на школьного военрука Валерия Викторовича. Но тот, высокий, плечистый, будто не обращая внимания, шёл в плотном окружении дородной жены и трёх дочерей – расчудесных копий отца. А на Нюссу жалобно смотрел мельник Захар, так и не женившийся на певице и до сих пор сохнувший по ней. Нюсса отвергла его из-за военрука. Теперь Захар переживал двойное горе, так, может, считал он, и погибнет, не попробовав это завод-

ное, как юла, притягательное женское тело.

Толпа остановилась на площадке между тремя ветряными мельницами. Несмотря на долгожданный для мельника выгодный ветер, разлапистые крылья ветряков застыли сегодня в траурном молчании. Рядом не шумел листьями, стих, будто от горя застыл одинокий дуб Сылевер, особо почитаемый селянами. Призывники традиционно три раза обошли дуб-исполин, прося у него защиты. Народ страдал – мужики натужно вздыхали, бабы плакали негромко, дети удивлённо смотрели на взрослых.

Скорбную тишину нарушила Нюсса:

Через пень, через колоду,
Где же ты, потребсоюз?
Помогите, ради бога,
В старых девках остаюсь.

Словно получив команду, в толпе усилилась волна причитаний, поднимались надрывные голоса, смешанные с кашлем и сморканием. Нюсса подошла к Веселине, дёрнула за рукав, вызывая в круг. И вновь запела частушку в злой ярости:

Ой, гора, гора,
Гора высокая,
А под горой лежат
Четыре сокола.

– Чудной народ российский – в счастье поёт, в горе тоже поёт. Даже трезвый. Видно, таким образом бережёт он свои силы, – рассуждал вслух военрук Валерий Викторович, обняв жену.

Девушки кружились:

Четыре сокола,
Четыре сизова,
Любила мальчика
Ещё до призыва.

Частушки потухли сами собой. Ванюш вышел в середину круга, обхватил обеими руками друзей. Взявшись за руки, они образовали карду-круг, вздохнули разом со стоном-свистом и затаили:

Лети, лети, кукуку, лети кукуку,
Лети, пока мы не ушли.

Народная, торжественная песня вётинцев рождалась тяжело. Мужики пели надрывно, с горла, словно выдавливая голоса из стонущих больных сердец. Но постепенно мелодия стала набирать силу, приобрела нежную грусть – это подхватили жёны с детьми:

Когда же мы уйдём, кукуку,
Присядь на ветку – отдохни-и-и...

Веселина зарыдала в голос. Её подхватила Нюсса и понёсся, разлился хор печали и грусти, прорезая толпу насквозь.

Кукушка – волшебная птица чуваш, закоренелых язычников, живя, казалось бы, несколько веков в православии, но не забывших, и сегодня продолжающих преданно, по-деловому соблюдать обряды давних предков. Многовековые предания гласят, что именно этой птице доверено Всевышним блюсти судьбу людей. Будто бы именно она постоянно печётся о землянах – живущих грешниках. Крылатка сверяет, кому и сколько лет осталось прожить, отмеренных судьбой-матушкой. Не зря люди в самые решительные моменты обращаются именно к кукушке: «Кукуку, нам невыносимо больно. Подсоби, сердешный!»

Вдруг осеклись наши певцы, замолкли. Они заметили человека в серой фуражке, спешно приближавшегося к мельницам. Опираясь на кривой батожок, торопко ковылял конюх Илихван. Он сходу врезался в толпу и с хрипотцой прокричал:

– Велели больше не ждать! Идите пешком в Черноземск. Сразу всем обратиться в военкомат. У них списки.

Мужская половина медленно отцепилась из толпы и понуро зашагала по пыльному большаку в сторону райцентра, оставив у мельниц разом осиротевших женщин и детей, замолчавших, словно закованных на морозе. Они стояли до тех пор, пока мужья, сыновья и отцы не скрылись за гребнем зеленого ковра – ржаной озими. Нюсса, разгорячённая от частушек и проводов, тихонько подкралась к Веселине сзади, обняла её нежно:

– Пойдём, подруга, домой!

Кузнецова промолчала, ей тяжело было дышать, грудь сдавливала невыносимая тяжесть. За ними двинулись остальные бабы с детьми.

Гнетущая тишина нависла над селом. Веселина не находила себе места. Никакая работа не ладилась – всё валилось с рук. Сыновья то один, то другой подходили к матери, пытались заговорить с ней, но она будто не слышала их. День прошёл, будто в дрёме. Вдруг голос Веньки встряхнул её:

– Папка наш идёт!

Веселина вскочила, кинулась к окну, другому, слёзы, вдруг нахлынувшие, мешали ей разглядеть. Точно: шёл Ванюш, усталый, но счастливый, в окружении сыновей. Веселина хотела было выбежать на улицу, да постеснялась, встретила мужа у ворот.

– Ну, что? – кинулась она к мужу на грудь.

– Освободили... пока, – бросил Ванюш, запыхавшийся и промокший от жары насквозь.

Не шутка – до райцентра и обратно преодолел пешком почти сорок вёрст. В избе, раздевшись и ополоснув лицо колодезной водой, он рассказал, как показалось Веселине, про небывалое чудо.

– Дошли мы до Черноземска. А на крыльце военкомата стоит наш председатель колхоза Подоприхин. «Тебя оставили», – говорит мне Егор Силыч. Я не верю ушам. Зашли мы с ним вдвоём к военкому. Петухов подтвердил: «Тебе, как важному специалисту, броня вышла». Позвал он писаря и тот выписал мне бумажку, – Ванюш вынул из кармана белый листок, сложенный вчетверо.

– А что такое броня, папа? – подошёл Толик к отцу.

– Это меня освобождают от призыва, сынок. На войну не возьмут... пока... Колхозу нельзя без кузнеца, считает Егор Силыч.

– Ура! – закричал Венька и стал весело кружиться по избе.

– А как Мишшука Соколова? – поинтересовалась Веселина старшим кузнецом.

– Его тоже оставили временно. У него жена вот-вот должна рожать. Потом заберут.

– А-а-а, – Веселина что-то прикинула в уме, но промолчала.

На другое утро Кузнецовых разбудил гул ветра в печной трубе. Оказалось, это не труба, а завывало всё село. На каждой улице, чуть ли не в каждом доме начались проводы. На Соборной площади выстроились подводы. Мужики понуро подходили и складывали на телеги свои котомки со снедью, затем скорбно обнимали родителей, целовали жён, поднимали на руки детей. В толпе кружился на костылях Лапша Саньки.

– Если бы не эти ноги, я добровольно пошёл бы на войну, – рыдал он, как девчонка, в отчаянии.

Ещё в подростках тяжёлый недуг сковал ему ноги, потому они не сгибались и не выпрямлялись до конца. Обладая хорошей памятью и чудесно владея математикой, Санька был незаменимым счетоводом в правлении колхоза. Подоприхин души не чаял в этом золотом специалисте.

Веселина не ходила сегодня провожать фронтовиков, даже не вышла из дома. Чуткая, она знала наперёд, что злые языки непременно её уколут, скажут, что всех мужиков забирают, а её, мол, война обошла стороной, она и впредь, словно барыня, будет наслаждаться с муженьком. Потому ей было стыдно и совестно появляться на людях.

Весь день она не выходила дальше двора. Правда, очень хотелось сходить хотя бы к соседям Лашмановым, посочувствовать в невыносимом горе. В окно она видела, как Натали с утра рыдала в голос, прислонившись к столбу сарая. Потом провожала мужа Хведюка, причитала, обливаясь слезами:

– Как пошла я по лесу, да лесу весеннему, повстречала двенадцать зайчат. Лучше бы не заметила под листвой. Зачем ты меня родила, мать, такую несчастную дочь. Лучше бы я лежала в груди твоей.

Веселина всем сердцем сочувствовала соседке. И не было в ней ни капельки радости, тем более злорадства, что вот Хведюка забирают, а его Ванеш остаётся.

— Покуда, покуда... — твердила она шёпотом, чтобы дети не слышали.

А сама всё чаще крестилась перед образом Пресвятой Богородицы, устроенной в тиши, на кухне, да занавешенной полотенцем собственной вышивки — подальше от глаз властей да прочих нечистей. Она почему-то была уверена, что и её мужа непременно заберут. Ибо понимала — война самый ненасытный хищник на земле.

Ещё три дня продолжались стоны и плачи над осиротевшим селом, за день потерявшим двести лучших своих сыновей — опоры селения, всего колхоза и каждой семьи. Постепенно рыдания пошли на убыль, дома и улицы утихли, будто замерли, село сникло, словно после вселенского пожара. Женщины с распухшими глазами ходили скорбно, как тени.

* * *

...Необычный человек появился в Вешних Вётлах через несколько недель после объявления войны. Высокий и прямой, будто аршин проглотил, с рыжей козлиной бородой, он ходил по деревне в сапогах и всюду совал свой бесформенный комок глины вместо носа. Он был, как определил его седой Ермолай Кузнецов, отец Ванюша, «человек с чужой земли». Звали его Яков Кабаргас. Во время пьянки в честь первой встречи разоткровенничался он с председателем сельсовета Малюсом и сообщил ему по большому секрету, что он из тех моряков-революционеров, которые в пьяном угаре устраивали погромы в Петрограде, потом в Москве — грабили и жгли дома богатых горожан. Малюсь промолчал, на него подействовало откровение собутыльника, и с тех пор он со страхом стал дожидаться, когда же этот уполномоченный от НКВД, приехавший из самой Казани, возьмёт-

ся за разбой в селе. Ждать пришлось недолго.

Веселина, однажды увидев этого неуклюжего и неприятного верзилу, почему-то сильно испугалась. А тот хмуро мотнул своим глиняным носом и неожиданно выдал:

— Ух ты! Какая красота!

С тех пор Веселина стала избегать этого чужака. Но от судьбы, видимо, невозможно укрыться.

Широка земля, да вскоре их пути сошлись. Однажды Веселина, старшая колхозная доярка, бригадир, после вечерней дойки отправила всех подруг домой, а сама осталась на ферме — нужно было подвести итоги за последнюю декаду. Увлёкшись расчётами, она не услышала, как подкрался в комнату животноводов Кабаргас. Он всегда ходил тихо, с волчьей повадкой и с нетерпимым желанием выследить, разоблачить, поймать «врага народа».

Веселина вздрогнула, заметив, как тень от лампы упала на стол.

— Ой, кто здесь? — резко вскочила она, чуть не сбив с ног мужчину, оказавшегося прямо за её спиной.

Уполномоченный, нагнувшись за женщиной, пытался узнать, что же она пишет.

— Чего же ты испугалась, глупая? — произнёс он слащавым голосом, растягивая слова в кривой, фальшивой улыбке.

По всему виду он желал задобрить доярку, найти с ней общий язык. От такого старания даже пот его прошиб. Но доярка бросила такой гневный взгляд, глаза её заискрились, что незванный гость даже растерялся. От негодования она молчала. Ничего хорошего не ожидала она от такой встречи, потому боялась, озиравась по сторонам, надеясь хоть на какую-нибудь помощь.

— Снова удои падают? — нашёл наконец представитель власти.

— С чего вы взяли? Наоборот, удои растут. Пасутся же вдоволь, — урезонила его Веселина.

Вновь наступила напряжённая тишина. Натянута, нервная. Кабаргас за-

качался, словно колодезный журавль, параллельно с ним болталась его зловещая тень. Потом он закружился по узкой комнате, не находя слов. Бедный кавалер явно был не в ладах с языком, даже родным, а с русским тем более. Но тут невдалеке послышался протяжный кашель. Дверь открылась, в проёме появился дед Сидор Савелов – охранник фермы. Толкнув старика, уполномоченный ушёл, зло хлопнув дверь.

– Вечер добрый, – бодро поздоровался охранник, намного энергичней для своего возраста.

Он окинул оценивающий взгляд во круг, и, видимо, не найдя ничего подозрительного, присел на топчан, заговорил с неприкрытым дипломатичным тоном:

– Слышь-ка, Всяка... – тут он отдышался. – Я как увидел за фермой тарантас уполномоченного, подумал про себя – что-то здесь неладно... Поспешил к тебе... И, гляжу, не прогадал. – Влажные глаза его лукаво блестели.

– А что гадать-то. Он, как блудливый Шарик, везде суёт свой нос. – И Веселина вновь углубилась в свои расчёты.

Следующий раз, а это случилось в начале зимы, преследователь застал Веселину в овраге речки Кучасси. Вечером она пошла за родниковой водой. Зачерпнула полный кувшин чистой, как слеза, живицы, бьющей из-под белых камней, и начала подниматься по заснеженной тропке. Путь ей преградил Кабаргас.

– Ну, здравствуй, красавушка, – начал он будто бы миролюбиво.

– Чего тебе? – в глазах женщины сверкнули гнев и мольба.

– Подожди, поставь посуду. Поговорить надо, – дотронулся он осторожно до плеча недоступной.

– Не о чём нам говорить, – отрезала она и попыталась обойти.

Но назойливый кавалер расставил ноги, загородив узкую тропу.

– Вот, возьми... те – из внутреннего кармана пальто он вытащил цветастый платок.

В этот раз он, похоже, обстоятельно подготовился к встрече.

– Не нужно мне от вас... – Веселина резко махнула рукой и розово-голубой платок слетел с руки кавалера, упал на снег, ветер подхватил его и понёс по оврагу.

Кабаргас качнулся, хотел было кинуться за подарком, но, видимо, раздумал. Надулся, покраснел. От ярости он пнул сапогом кувшин, глиняные черепки вместе с брызгами воды полетели на Веселину. Она размахнулась руками, как раненый лебедь, и издала стон.

– Ах ты, стерва! – кипятился подручный власти. Он топтался на месте, словно стреноженный конь. – Да я тебя! Знаешь?! – размахался кулаками. – Ты, жук навозный! Ты... ты... пожалеешь!

Домой Веселина пришла разрёванная, без воды и кувшина. Ванюш, занятый подшиванием детских валенок, бросил работу, с удивлением посмотрел на жену, бесшумно свалившуюся в постель. Он не стал расспрашивать, оделся и вышел во двор. Вошёл в дом только через полчаса.

– Опять Кабаргас, что ли? – спросил он спокойно.

– Да, он, вражина... кувшин разбил, – и вновь горько заплакала.

– За кувшин не тушуйся. Другой найдём. А вот... – он осёкся.

Ванюш присел на лавку и закурил. Тревожная тишина воцарилась в избе. Её нарушили сыновья, вернувшиеся с улицы. Семья села ужинать.

– У злобы лапы долги, – лицо Ванюша, обросшее чёрной щетиной, посерело.

В голове главы семьи роились самые страшные мысли, но он не хотел зря тревожить жену, детей. «Конечно, он погонит меня на фронт», – решил он наконец. Но вслух выдал обратное:

– Авось, всё перемелится.

Но увы! Жизнь не рождь, мука из неё не выходит. Коварный враг, выбрав жертву, вцепится когтями и не отпустит, пока не напьётся крови. Через недели две-три после события у родника мстительный Кабаргас, разъярённый,

как молодой бегемот-самец, с грохотом ворвался в сельсовет. Малюсь, сидевший за письменным столом, от испуга так нажал ручкой, что сломал перо.

— Что это получается, председатель? План по призыву срывается, а молодой Кузнецов спокойно расхаживается по селу, — самозаводился Кабаргас.

— Слушаю, слушаю, — затараторил глава сельской власти, потирая лысину.

— Ты что, не понял? Надо призвать Кузнецова. Военкомат требует. — Уполномоченный расхаживал по кабинету, оставляя за собой комья грязи, откуда-то нашедшей посреди зимы.

— Он же последний кузнец. Мишшука Соколова взяли на фронт. У Ванюша — бронь, между прочим, — Малюсь нервно начал чесать бородку а-ля Ленин, которую он отпустил для солидности, подражая усопшему вождю.

— Ну и что — бронь! А кто родину будет защищать! — повысил тон присланец.

Себя меченосец НКВД, самого грозного органа в стране Советов, к этому списку ни в коей мере не причислял, хотя ему ещё недавно перевалило за сорок лет.

— Да ведь как без кузнеца!.. — председатель сельсовета стал размышлять вслух.

Малюсь хоть и вроде бы держался на селе независимым, но побаивался «колхозного бугра» — Подоприхина, героя Гражданской войны. Тот высоко ценил ковалей — опор колхозных, отставив их от призыва на фронт. Всегда заявлял: «Всех, кроме кузнецов». Правда одного, Мишшука, уже забрали, а без последнего мастера по железу колхоз зачахнет. Малюсь знал, что этот городской чистюля с красной книжкой в кармане положил глаз на жену кузнеца — Веселину. А она — та ещё гордыня, вместо того, чтобы сдаться по-добру по-здорову, стала артачиться. На селе ворковали, что выразительный синяк под левым глазом уполномоченного — «любовный» подарок Васюка, как дразнили земляки гордую красавицу.

«Этот мстительный вояка, видать, решил отомстить ей через мужа. Как же быть? Как назло, нет защитника — Подоприхина вызвали в Казань. Может, ещё и не вернётся, если арестуют за срыв хлебосдачи. А этот боров за горло хватает. Да ему и перечить-то опасно. Напишет — и самому крышка выйдет», — рассуждал про себя глава сельской власти.

— Как же без коваля колхозу, — робко заикнулся Малюсь.

— Ничего. Жатва завершена, а до сева найдём другого, — как племенной бык, напирал служака Органов.

Сутки молчали два дьявола во плоти, легко решающие судьбу человека, точнее, трудяги с золотыми руками, ценнейшего для колхоза волшебника по железу. Через день Кабаргас вновь нагрнулся в сельсовет.

— Я сообщил в военкомат, завтра ждут они Землякова. Оформляй повестку, — приказал чекист и, довольный, потирая руки, ушёл к себе на квартиру.

...Ночью (именно так, по-воровски, было заведено в то время коммунистами, совершать все тёмные дела, по примеру своего главаря) в окно Кузнецовых сильно постучали. Семья только что заснула. Веселина первая подбежала к окну, напуганная — думала, пожар.

— Возьмите повестку, — это была исполнительница, дежурная по сельсовету.

Веселина вышла на улицу, девушка лет двадцати протянула бумажку с сельсоветской печатью и попросила расписаться в «шнуровой» книжке. Встревоженные Кузнецовы зажгли лампы.

— «Гражданину Кузнецову явиться в Черноземский райвоенкомат к 12 часам», — прочитал Ванюш повестку, заполненную неряшливо, почерком второклассника.

— А, батюшки! — простонала Веселина.

Некоторое время супруги стояли молча, словно мумии, не могли ни двигаться, ни молвить хоть полслова. Оба поняли, что это повестка на войну, что

по их семье прошёлся, как каток, мстительный сапог Кабаргаса.

– Надо готовиться. Я поставлю тесто, – наконец решила жена.

Ванюш залез на полати – искать котомку. Пока Веселина месила тесто из последней муки, он затопил печь, сложил в мешочек тёплые носки, кружку, ложку, рукавицы, затем нервно покружился по избе и, не найдя занятия, лёг в постель. Но не спалось.

– Пойду, отца с маманей извещу, – наконец нашёл он выход из тревожного состояния.

Вскоре кряхтя вошёл в избу Ермолай, отец Ванюша, следом – его супруга Клавье, на ходу вытирая глаза углом платка. Они принесли вместе с морозом штоф самогона, хлеб-соль и икону Божьей Матери, аккуратно завернутую в белоснежное полотенце.

– Помянем светлой души моего старшего – сыночка Васюка Ермолаича, – перекрестился родитель и поставил штоф на стол.

Женщины, невестка со свекровью, обнявшись, жалобно поплакали и начали колдовать возле печки. Ермолай Кузнецов одним из первых в селе получил похоронку на старшего сына Василия, артиллериста, погибшего в бою под Москвой.

– Каких богатырей отымают война треклятая, – сморкнул Ермолай, прослезившись. – От младшего, Саньки, что-то тоже нет вестей.

– Да, косют нас. А ведь обещали воевать на чужой земле, – согласился сын.

– Обещать-то они умеют, только вот дела у их, как всегда, хреновы, – добавил дрожащими губами ветеран Первой мировой.

Замолчали. Отец открыл бутылку с самогоном, разлил по рюмкам.

– А кто теперь на кузне остаётся? Кума Мишшука вроде тоже забрали. – Ермолай старался украдкой вытереть слёзы.

– Как только родился у него сын, он сам добровольно пошёл в военкомат. Сказал: «Мне, раскулаченному, иначе нельзя».

– Сталбыть, сын у него родился, – тяжело вздохнув, задумался бородач.

– Сын, да-да, сын у него, – понял Ванюш намёк отца.

Совсем недавно, перед войной два кузнеца Ванюш и Мишшук вместе с жёнами отмечали у Соколовых престольный праздник села – святого Германа, в честь которого основана церковь в Вешних Вётлах. Слово за слово – размечтались.

– Слушай, куманёк, вот о чём я мечтаю, – засветился белозубо Мишшук. – Если вдруг, – тут он уставился на божницу, перекрестился. – Ну, если Бог даст одному из нас сына, а другому дочь, то, может, породнимся?

– Рано ещё об этом думать. До родов-то, – перебила Альтун своего мужа.

– Мы – обеими руками за это, – подержали хором Ванюш с Веселиной.

Сказали – выпили – закрепили. Веселина по женскому секрету шепнула свекрови Клавье, та – Ермолаю. Старик несказанно обрадовался. «Хорошая партия», – причмокнул тогда в бороду глава рода Кузнецовых. А теперь и Ванюш, и отец, вспомнив тот уговор, раздосадованно задумались.

– А что, вашему уговору, сталбыть, не сбыться, что ли? – растревожился старик.

– Почему так говоришь? После войны, может, и сбудется, – неуверенно молвил Кузнецов-младший.

– Дай-то Бог, дай-то Бог, – оживился старший и сотворил крестное знамение.

Аппетитно запахло стряпнёй. Это Веселина со свекровью испекли блины, сварили картошку, стали лепить пирожки призывнику на дорогу. Мальчишки, уловив пустыми животами аромат кухни, вскочили с постели – не поймут, что за празднество посреди ночи. Под утро заявили соседи – посочувствовать горю Кузнецовых. Клавье подошла к божнице, пала на колени, трижды перекрестилась, встала и запричитала слёзно:

– Была у меня старшая сестра – сердоликовые бусы. Только что хотела их

взять и повязать, ой, как они скатились с нитки и рассыпались. Что мне теперь делать?

Женщины молча вытирали глаза. Мужики насупились. Ванюш вышел из-за стола, нежно обнял мать:

Стели, мать, постелюшку.
Последнюю неделюшку,
А на той неделе, мать,
На казённой буду спать.

Крепился будущий воин, еле сдерживая слёзы. Мать расстегнула рубашку сына, убедилась, что есть у него нателёный крест. Потом взяла в руки белое вышитое полотенце, на него установила икону Богородицы, рядом с супругой чинно встал Ермолай. Родители перекрестили сына и начали благословение:

— Мы вырастили тебя, сынок, годным в солдаты. Не забывай родной дом, семью свою. Служи честно. От службы не отпирайся, сам не напрашивайся. О, Пресвятая Заступница, помоги моему сыну Ивану, чтоб он в огне не горел, в воде не тонул, вернулся живым и здоровым. Аминь.

— Аминь, — вторили все в избе.

Родители помолчали, перекрестили призывника. Клавье стала всхлипывать:

— Знамо ли, третьего сына провожаем. От первого «похоронку» получили, от второго давно нет писем. Ой, Матушка Богородица, Заступница, умоляю, ты хоть сбереги нам третьего сына. Моего ро-од-нень-ко-го... — упала к сыну на грудь и разрыдалась великомученица.

Вскоре Клавье очнулась, подошла к столу, отняла из рук снохи непочатую бутылку водки и сказала:

— Это пить не будем. Распишитесь все на ней.

Когда все расписались на этикетке, Клавье перекрестилась и поставила поллитровку в божницу, за иконы.

— Выпьем её, когда Ванюш наш возвратится с войны, — пояснила она родне.

Началась процедура прощания. С одного бока Ванюша обхватила за руку мать, за другую — жена. Выводили новобранца из дома спиной вперёд,

неспешно, с грустью — запоминающе. Таков народный обычай — надежда на возвращение — солдат, уходя, приходит. Живым и здоровым или калекой, а если, не дай бог, погибнет, то душа его найдёт путь и вернётся. Во дворе родные повернули Ванюша лицом к дому.

Настала самая трагичная минута — солдат прощается с родным домом, семьёй, родителями, женой, детьми. Он бросает последний, прощальный взгляд на всё родное, запоминает их навсегда.

Ермолай от непосильного горя совсем обмяк, на улице, перед домом он повис на сыне:

— Не смогу я до околицы. Прости меня, Ванюшым. Береги себя... Не сироти нас, отца с матерью, жену да малых детишек. Нагинаясь, зря почём не лезь под пули. Пуля она дура, как говаривал Суворов. Врага побеждают умом и хитростью. Ну, с Богом, сыночек... — благословлял отец, как умел.

Провожать Ванюша пошли Веселина с детьми, мать Клавье, Нюсса и соседи. По пути присоединились женщины, чьи мужья на фронте. Когда толпа поравнялась с селом, вышел на крыльцо Кабаргас. С ухмылкой победителя смотрел он на призывника и его жену. Веселина отвернулась, Клавье всё это увидела и догадалась.

— Не огорчайся, доченька, — взяла она Веселину за руку. — Не ведают, слепцы, что творят.

У околицы, напротив одного из трёх ветряков, мельницы Корсаковых, теперь ставшей колхозной, точнее, бесхозной, провожающие остановились. Женщины, будто по команде, разом разрыдались.

Веселина вытерла слёзы, уставилась на ветряк и в глубокой печали задумалась:

«Ах ты, жизнь — мельница. Каменные жернова! Как земля и небо. А между ними — мы. Кружатся жернова — давят, пожирают людей. Из ковша в сусек падают всё новые партии солдат. Ещё, ещё! Война ненасытна. Из фронтового желоба непрерывно вытекает людская кровь. Трупы, кости, похоронки. Горе, слёзы, сироты... Но ведь «хвостом»

мельницы-жизни правит человек. Люди убивают людей. Это они, людоеды, хладнокровно поворачивают мельничные крылья-махи на сквозняк. На ветер злобы и ненависти. Чтобы как можно больше уничтожать людей. Зачем? Для чего? До каких пор? Когда же вы насытитесь, мельники земные?!»

— Береги детей. И себя береги, Весечка, — третий раз с утра повторил Ванюш, обняв жену.

Затем кузнец по очереди поднял сыновей, обнял мать.

— Прости меня, мама, если что... — стал заикаться призывник.

Клавье спешно положила на сыночка благословение Божье и прошептала сквозь подпирающиеся слёзы:

— Спаси тебя Христос, сынок, — и упала бы, если не поддержали внуки.

Ванюш уже скрылся в конце снежного наста. Люди разошлись, а Веселина всё стояла заворожённая, будто надеялась, что муж вернётся.

— Ой! Боже! Забыли... — вдруг спохватилась она.

Веселина, отвернувшись от резко подувшего ветра, будто впервые увидела дуб-исполин Сылевер — Ветроуд, сиротливо раскачавшийся голыми ветвями, и замахала руками.

На околице села, рядом с большим, испокон веков рос громадный дуб в тени трёх мельниц. Говорят, более века назад его посадил один болгарин-язычник по имени Сылевер. Он нежно ухаживал за питомцем: в жару поливал его, зимой укрывал снегом. Однажды за этой работой застала его дряхлая старуха, зло усмехнулась и сказала, мол, зря стараешься, твоё детище тебя же убьёт. Действительно, когда дуб разросся и ствол его сравнялся с толщиной шеи Сылевера, мужик слёг, а перед смертью будто бы сказал землякам: «Для вас вырастил, почитайте разум-

но». Люди запомнили его слова. Весной, после сева, вётлинцы проводили возле дуба малый чук — жертвоприношение во имя будущего урожая. Если ребёнка или кого в семье настигала хворь, опять же обращались к Ветроуду, ставили зажжённую свечу и просили преодолеть недуг. Также собирали его целебный мох, сушили и насыпали на нарыв, мох вытягивал гной. Прохожие останавливались перед священным исполином, снимая шапку, молились:

— Эй ты, батюшка Сылевер, царь всех деревьев. Тебя мы славим, почитаем, добра тебе желаем. И нам ты крепкого здоровья и долгих лет пожелай.

Рекрутники, уходя на войну, три раза обходили вокруг Ветроуды, брали с собой его жёлуди, берегли, надеясь вернуться живыми и невредимыми. Рассказывали, что иногда Сылевер издавал звуки, даже пел. А некоторые селяне слышали, как он звал протяжно: «Сылевер! Сылевер!». Пытались разгадать, какую же тайну скрывает царь всех деревьев, да не смогли.

В последнее предвоенное лето молния ударила и сожгла вершину Сылевера. Народ решил: «быть беде». И не ошибся.

Веселина вспомнила древнюю традицию вётлинцев, заведённую множество лет назад, а сегодня она, в печали, совсем забыла про этот обычай — не почитили священному дубу.

— Ах, забыли!.. Забыли!.. — колотила солдатка себя голыми ладонями по голове.

Она упала на колени, продавливая рыхлый снег, не чувствуя ни холода, ни боли. От отчаяния женщина готова была упасть лицом в снег, но тут детские руки обхватили руки и плечи матери. Сыновья вернулись за ней, подняли и, шатаясь из стороны в сторону, втроём поплелись они домой.

